

Вероника
Гард

16+

МАЛЬЧИК
И
ШКАФЧИК

Вероника Гард

Мальчик и шкафчик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43233972

SelfPub; 2019

Аннотация

25 июня 1941 года. Кенцавское гетто. Ярек Лацгуновский не мог и подумать, что обычный урок химии может превратиться в кошмар, а школьный шкафчик, который должен был стать для него спасением, станет почти могилой

В оформлении обложки использована фотография из источника: <https://cdn.inquisitr.com/wp-content/uploads/2017/09/candy-lawson-trial-feces-sister-closet-locked.jpg>

Ловушка

Ярким солнечным утром 25 июня 1941 года в Кенцавской гимназии проходило очередное полузаконное занятие по химии, с которого Ярек Лацгуновский страстно хотел уйти. Учитывая то, что Ярек, как один из самых смысленых учеников, мог добиться чего угодно и поступить куда угодно, он мог вообще не посещать эти занятия, но на них всегда ходила Лана Файн.

Она давно мечтала поступить в медицинский университет и поэтому, хоть и имела способности к химии, воодушевленно посещала уроки пана Кавоцкого. Еврейка по национальности, Лана, начиная с момента оккупации, не имела права посещать гимназию, чтобы получить хотя бы среднее образование. Таковым было распоряжение пришедшей немецкой власти. Город тщательно делили на «еврейские» и «нееврейские» районы – Малое и Большое гетто, и процент еврейских учеников Кенцавской гимназии стремительно уменьшался, и порой безвозвратно. Спасало семью Файн пока лишь то, что отец-врач удачно и крайне анонимно вылечил одного немецкого офицера от венерической болезни.

К тому же, фамилия Файн для немецких ушей не всегда звучала, как откровенно еврейская.

Ярек сидел один за партой, подставив щеку солнцу, качался на стуле и думал, что же могло произойти с Ланой, что она отказала себе в удовольствии пойти на урок. Он весело размышлял о всяких небылицах, которые могли произойти с ней по пути в гимназию, о сломанных каблуках и обычном просыпании, но потом вздрогнул: «Немцы поняли, что она не полька, пришли к ней и арестовали. Отправили в Терракот, в гестапо! Расстреляли...»

Он наклонился вперед, стул встал в обычное положение, и парта чуть надвинулась на впереди сидящую Катерину Мишницку, решавшую что-то про хром:

– Я чуть не сломала ребра, Лацгуновский! – прикрикнула она. – Нельзя аккуратнее?

– Мишка, слушай, а ты давно видела Лану? – спросил Ярек, притянув парту к себе.

– Вчера видела, ну, – проговорила Мишницка, ненавидя свое прозвище, данное самым противным одноклассником. – Что тебе?

– К ней никто не думал приходить? Ты не знаешь? Может быть...

– Она просто проспала, Ярек, зря ты за нее волнуешься, – недовольно ответила девушка и отвернулась. – Лучше сотри последнюю цифру, там сегодня семерка должна стоять.

Ярек взволнованно посмотрел на пустую часть парты, где должна была сидеть Лана, и увидел знакомую надпись: «Исаака нет 866 дней». Почему-то ее никто не посмел стереть, хотя почти каждый был уверен, что Исаака нет, и уже не будет. После того, как он исчез в январе тридцать девятого, в первую волну переселения евреев, пожалуй, одна лишь Лана надеялась, что он еще жив.

Аккуратно заменив шесть на семь, Ярек вздохнул. Даже сейчас, находясь неизвестно где, его друг не переставал быть его соперником. Без лишней скромности Лацгуновский считал себя ничуть не хуже, но он никогда бы не смог стать таким же самонадеянным и остролловным, как Исаак, хотя именно это, как он считал, и нравилось Лане. Столько денег он тоже не смог бы заработать, и его семья тоже. Ярек ни разу не дарил ей цветы, а тем более охапки роз, как Исаак это делал каждую неделю, потому что стеснялся и не имел в родителях популярной оперной певицы: «Но, – успокаивал себя он, – Лана не из тех, кого можно купить подарками. Исаак

не на то поставил. Но где же ты, Лана?»

Неприятно заболело под ложечкой – плохой знак.

– Все, я пошел, – тревожно сказал Ярек, поднимаясь из-за парты. – Скажи Кавоцкому, что заболел... Мне нужно точно знать, что она дома.

Мишницка оторвалась от уравнения и повернулась. Каштановые косы ударились о плечи, и конопатый нос привычно сморщился.

– Успокойся. Ты стал каким-то нервным. Придет твоя Лана. Она, видимо, опять из-за Розенфельда расстроилась. Девичьи штучки.

– А тебе его не жалко?

– А что мне его жалеть? – снова фыркнула Мишницка. – Я уверена, что он опять надул всех и где-то прячется. Ставлю триста грошей, что он сидит сейчас на каком-нибудь острове, пьет какао и смеется над всеми нами, как всегда. При таких деньгах он бы мог откупиться от самого черта, не то что от немцев. И Лана твоя – дурочка, раз верит, что его согнали куда-то работать. Я тебя уверяю, что Розенфельд никогда в

жизни не станет работать без денег, и страдать он никогда не будет, потому что у него всегда на все один ответ – деньги или вранье.

Ярек остановился около парты девушки, глядя на нее со слабым презрением:

– Ты не его подруга, ладно, но разве ты можешь так говорить? У него, мне сказали, сестер в концлагерь отвезли на опыты...

– Но не его же. Он, наверное, и их обманул, а теперь прохлаждается.

– Ты отвратительно мыслишь. Вот, что я тебе скажу. Тебе не стыдно?

– Стыдно должно быть другу уводить подружку друга, когда знаешь, что у него на нее планы, – ответила девушка многозначительным тоном, снова вернувшись к уравнению. – Тем более, если ты думаешь, что друг этот мертв. Это ты отвратительно мыслишь, Лацгуновский. Все видят, как ты Лану охмуряешь, когда Розенфельда не стало. А еще мне что-то говорит...

Ярек сжал зубы, по привычке поправил свой светло-русый

висок и процедил девушке в самое ухо:

– Ну и дура же ты, Мишка. Поверхностная, набитая дура... И вот здесь будет сульфат, а не сульфит, – он ткнул пальцем в тетрадь. – Ты и тут поверхностно думаешь.

– Сульфат у тебя в голове, тупица. Мне осталось только уравнять. Уходи уже, проверь Лану, еще кого там... а ко мне в тетрадь не лезь!

– Потихе, умники, – попросили с соседнего ряда.

– Ты лучше мне не указывай, – прошептал Ярек. – Тут и слону понятно: сульфат хрома плюс аммиак да плюс вода – будет гидроксид хрома три, нерастворимый, и сульфат аммония. Никаких сульфитов, их и не может быть! Дай уравнию тебе.

– Не надо ничего мне уравнивать, – шикнула Мишница и покраснела. – Я сама... разберусь. Иди уже, Лацгуновский!

– Нет, – Ярек сел на парту и ехидно заулыбался, – я хочу посмотреть, как ты уравниешь воду. Покажи, покажи.

– При тебе я и к хрому не прикоснусь.

– Тогда пошли к Кавоцкому, – склонив голову набок, хитро предложил Ярек. – Пойдем через него решать, раз ты такая стеснительная и не хочешь трогать даже хром.

Девушка взглянула ему в ярко-голубые глаза, сощурилась и встала из-за парты:

– И пойдем! – схватив тетрадь, она широкими шагами направилась в лаборантскую вместе с Яреком.

В небольшой лаборантской между пробирок и колб сидел пан Кавоцкий – учитель химии, решивший выпить чашечку чая, пока дети решают реакции. Он хлюпал, и маленькие очки на секунду мутнели от пара. Полноватое лицо его тогда выражало удовлетворение, глаза начинали блестеть, а красивые черные усы выгибались коромыслом.

– Что, Ярек, опять споришь с Катериной? – спросил пан Кавоцкий, отставляя чашку на столик, и улыбнулся шире, чем прежде.

– Пан Кавоцкий, – ласково начала девушка, – он говорит, что здесь должен быть сульфат, а я думаю, что сульфит. У меня почти уравнилось, а он...

– Да потому что кроме этого ничего быть не может, – вста-

вил Ярек, заложив руки за спину. – А ты тупица, – прошептал он едва слышно.

– Покажите, – продолжая улыбаться, махнул рукой учитель. – Что там у вас опять...

Вдалеке в коридорах гимназии послышались шаги. Шаги стремительные и тяжелые. Их много.

«Сюда! Сюда!» – голос совсем близко, на пороге. «Проверить у всех документы!» – уже в классе.

– Немцы, – прошептала Мишницка в ужасе. – У меня документов... документов...паспорта...

– Молчи! – шикнул Ярек, побледнев, и стал прислушиваться.

Пан Кавоцкий замер, смотря в угол, и стал похож на статую. Он слушал и впопыхах переводил немецкие реплики, которые произносил офицер: *«Так, паспорт... Зольцман. На колени. Так, ты. Паспорт! Паспорт! На выход! Ты... Это жид. На колени! Тоже жид. На колени!»*

– Ищут евреев? – снова прошептала Мишницка, боясь пошевелиться. Она заплетала, распускала и снова заплетала

оставшийся кончик волос, и была белее мела.

– Арестовывают. Всех в Терракот... За что? – спросил Ярек, обратившись к учителю. – Они опять устроили облаву? А вот Матеуш не еврей, почему тогда они его...

Пан Кавоцкий точно вышел из ступора и бесшумно кинулся к шкафу. Стараясь не дрожать руками, он вытянул деревянную полочку с колбами на ней, аккуратно перетащил на стол.

«Сколько вас? Где ваш учитель?»

Ярек тоже подскочил к шкафчику и вытащил еще две пустые полки. Он знал, что их пришли убивать, но все еще не понимал, за что. Евреев в их классе сейчас было пять, и все пять фамилий он услышал вместе со словами: *«На колени»*.

«Они обречены. Все, кто сейчас в классе обречены, – в сковывающем страхе думал Ярек, прислушиваясь, как колотится его сердце. По ту сторону стенки плакала его одноклассница – Роза Зольцман – первая жертва выборки. – Они не за арестом пришли. Ланочка, не смей приходить сюда. Оставайся дома, оставайся».

«Где ваш учитель?!»

– Залезайте в шкаф. Быстро, – приказал пан Кавоцкий и запустил руку в ящичек под столом, откуда достал ключ.

Мишницка растерянно смотрела на Ярека с застывшими в глазах слезами. Ей больно и страшно было дышать, и она не могла еще поверить, что сейчас нужно прятаться, чтобы не быть убитой. Девушка на мгновение подумала, что ее нет, и даже войдя в лаборантскую, ее не заметит ни айнцацгруппа*, ни кто-либо еще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.